

Глава 8. Талант

Слова Линь Жуна заставили Цзянь Цинъюя приподнять бровь и покоситься на него. На губах мужчины появилась фальшивая улыбка.

— Даже если я и ударился головой, то всё равно умнее тебя.

Линь Жун будто подавился этими словами. Он тут же замолчал.

Взгляд Цзянь Цинъюя задержался на его маленьком лице, полном нежелания и вынужденной покорности. Он смотрел на него несколько мгновений, а затем тихо усмехнулся.

И чего это он вдруг снова стал таким послушным?

В следующий миг раздалось громкое:

— Ш-ш-ш-ш!

По комнате мгновенно расплозся едкий, обжигающе-острый запах.

Цзянь Цинъюй сдерживал першение в горле и носу, прикрыл рот рукой:

— Что это за перец такой? Почему от него так дерёт?

Едкий дым застилал глаза. Линь Жун, отвечая, закашлялся так сильно, что едва мог говорить:

— Кхе-кхе-кхе! Это... кхе!.. сушёный перец... кхе-кхе!.. Лучше выйди отсюда!

Зрение у Цзянь Цинъюя было отличное. Даже сквозь дым, от которого невозможно было открыть глаза, он заметил выступившие в уголках глаз Линь Жуна слёзы. Нахмурившись, он в два шага подошёл к нему, вырвал из рук лопатку и отбросил её в сторону, после чего потащил человека наружу из кухоньки.

Дым, смешанный с жгучей остротой, был слишком удушающим. Как Цзянь Цинъюй ни сдерживался, он всё же несколько раз кашлянул.

А рядом с ним Линь Жун, согнувшись пополам, кашлял без остановки, словно вот-вот лёгкие выплюнет. Кончик его вздёрнутого носа покраснел, а глаза налились влажной алой дымкой, будто только распустившиеся весенние цветы персика, от которых невозможно отвести взгляд.

Цзянь Цинъюй отвернулся, выравнивая дыхание, затем потёр ноющую переносицу и, глядя на кухню, из которой всё ещё выползал лёгкий острый дым, негромко спросил:

— Ты раньше этим сушёным перцем не пользовался?

Если бы он к нему привык, то его бы не душило настолько сильно.

— Кхе-кхе...

Наконец немного придя в себя, Линь Жун вытер влагу в уголках глаз. Голос его слегка охрип. Покачав головой, он ответил:

— Нет. Сегодня впервые.

— У нас дома не было полей. Во дворе, где мы раньше жили, был только маленький огородик. Перец раньше никогда не сажали. В прошлом году была засуха, все овощи погибли. А к тому времени уже и рассаду нигде нельзя было достать, вот и пришлось занять у людей немного семян перца.

Цзянь Цинъюй вдруг вспомнил, как раньше Линь Жун жарил ему дикую курицу и так же беззаботно сказал: «Я никогда не готовил раньше, не знаю».

«...»

А уверенности у него хоть отбавляй...

Взгляд Цзянь Цинъюя скользнул по его лицу, и он сразу уловил главное. Выражение его стало холоднее.

— И что же вы тогда ели?

Линь Жун потёр всё ещё зудящий нос. На его лице почти ничего не изменилось, и всё тем же спокойным тоном, слегка гнусавя после кашля, он сказал:

— Когда голодали, ходили в горы, собирали всякую неядовитую траву. А если везло, можно было найти сладковатые дикие травы.

Под конец в глазах стоящего перед ним покрасневшегося гера даже мелькнула лёгкая радость.

Даже несмотря на то, что всё это осталось в прошлом, стоило сейчас вспомнить... и будто вновь ощущалась та внезапная радость и счастье.

«...»

Цзянь Цинъюй ничего не сказал.

Тут весёлое выражение на лице Линь Жуна внезапно сменилось тревогой. Он резко обернулся и бросился обратно в кухню.

— Ой! Наш кролик!

Цзянь Цинъюй некоторое время стоял на месте, глядя ему вслед. В голове всё ещё крутилось выражение лица Линь Жуна — привычное к лишениям, почти притуплённое.

Умение находить радость даже в горечи.

Благодаря «дружеской помощи» Цзянь Цинъюя, эта сковорода жареного острого кролика всё-таки... сгорела.

Мясо почернело, источая подгоревший запах.

Линь Гэнь, ещё издали услышавший поднятый ими шум, только вышел из комнаты и добрался до кухни, как увидел в котле куски крольчатины, уже не различимые по цвету. Всё его старое, покрытое морщинами лицо тут же исказилось от боли и сожаления.

— Ай-йю... ай-йю... такое хорошее мясо... как же так...

Цзянь Цинъюй молча стоял рядом.

А Линь Жун, как главный повар, и бровью не повёл. Убедившись, что мясо всё-таки прожарилось, он выловил всё из котла, затем взял чистые палочки, подцепил кусочек, подул на него и отправил в рот.

Взгляды Цзянь Цинъюя и Линь Гэня одновременно устремились на него.

Цзянь Цинъюй от природы был совершенно лишён таланта к готовке. Даже нарезать крольчатину он нормально не мог. Один кусок выйдет огромным, другой крошечным, никакой техники, одна грубая сила.

Кусок, который взял Линь Жун, как раз оказался маленьким. Но его собственное лицо было таким худым и миниатюрным, что даже этот кусочек раздул щёку так, будто во рту уже ничего не помещалось.

Поначалу взгляд Цзянь Цинъюя скользил по всему его лицу, а потом невольно остановился на выпуклой щеке. Он долго смотрел именно на неё.

А вот отец с сыном, Линь Гэнь и Линь Жун, сейчас совершенно не замечали стоящего рядом молчаливого Цзянь Цинъюя. Все их мысли были заняты только этим испорченным мясом.

Линь Гэнь видел, как его гер без конца жуёт и ничего не говорит, и уже чуть с ума не сходил от волнения.

— Жун-жун, ну как? Как? Есть можно?

Линь Жун был занят и говорить не мог. Он только кивнул.

Линь Гэнь наконец облегчённо выдохнул.

— Ну и хорошо... хорошо...

От этой сцены Цзянь Цинъюй, стоявший в сторонке, на мгновение потерял дар речи.

...Можно подумать, если бы мясо оказалось несъедобным, Линь Жун действительно согласился бы его выбросить...

Цзянь Цинъюй, который был крайне привередлив в еде и сам считал, что в вопросах экономии продуктов у него напрочь отсутствуют совесть и мораль, посмотрел на тазик с почерневшими кусками мяса. Пальцы его руки, свисавшей вдоль тела, едва заметно дрогнули.

Он совершенно серьёзно задумался, насколько реально будет прямо при этих двоих выбросить тазик с мясом.

Поразмыслив немного, Цзянь Цинъюй пришёл к выводу: старик ещё ладно, а вот Линь Жун, скорее всего, полезет с ним драться насмерть.

Да ну его!

Он уже решил, что сегодня в обед ограничится одним рисом, как вдруг прямо перед его лицом появилась зажатая палочками чёрная подгоревшая мясная кость.

Цзянь Цинъюй невольно отступил на шаг:

— ...

Теперь и уйти было неловко, и остаться тоже. Подняв глаза, он посмотрел на Линь Жуна, который стоял перед ним с поднятой рукой и запрокинутым лицом. До носа уже начал доползать запах подгоревшего мяса. У Цзянь Цинъюя дёрнулась бровь.

— Ты уверен, что это вообще можно есть?

Линь Жун с силой закивал.

Цзянь Цинъюй помолчал немного.

— Только лучше не ври мне...

С сомнением он всё же наклонился к протянутой руке и взял мясо в рот. Всё ещё размышляя, не пытаются ли его обмануть, он не заметил, как Линь Жун внезапно застыл, а стоявший рядом Линь Гэнь тихонько и очень вовремя улизнул.

Когда Цзянь Цинъюй нерешительно сжал зубы, во рту вдруг лопнул насыщенный мясной сок, смешанный с жиром, и скользнул в горло.

Его кадык резко дёрнулся.

Он тут же плотно сжал губы и начал быстрее жевать, будто боялся уронить хоть каплю драгоценного сока, а его чёрные глаза заметно загорелись. Взгляд сразу метнулся к тазику с крольчатинной на печи.

Некоторым вещам и правда невозможно научиться.

Как оно вообще может быть вкусным, если сгорело до такого состояния?!

— Вкусно.

Сказав это, Цзянь Цинъюй поднял голову и только тогда заметил, что у стоящего перед ним Линь Жуна всё лицо оставалось совершенно бесстрастным, зато кожа покраснела от самого лба до длинной шеи.

— ?

Из-за постоянной работы под солнцем открытые участки кожи Линь Жуна давно стали смуглыми, пшеничного оттенка. Если бы краснота не расползлась настолько широко, да ещё и стояли они так близко, Цзянь Цинъюй, наверное, ничего и не заметил бы.

Нахмурившись, он с сомнением спросил:

— Почему ты такой горячий?..

Лето, конечно, стояло жаркое, но сейчас ведь уже вечер?

Бросив взгляд на сгущающиеся за дверью сумерки, Цзянь Цинъюй почувствовал недоумение и уже хотел сказать, чтобы тот пошёл немного отдохнуть в комнате, как услышал едва различимый тихий голос:

— ...Меня укусило насекомое.

Слова, уже готовые сорваться с губ Цзянь Цинъюя, мгновенно застряли в горле:

— ...

Ему очень хотелось спросить этого человека прямо:

он что, похож на идиота?

Что это должен быть за комар, чтобы искушать человека до такого состояния?

Увидев, как тот опустил голову, явно избегая взгляда, Цзянь Цинъюй почувствовал странное недоумение, но не стал продолжать расспросы — не настолько же у него низкий эмоциональный интеллект, чтобы допытываться до конца. Подхватив таз с едой, он вышел из кухни.

— Если тебе и правда нехорошо, иди отдохни.

Снаружи уже стемнело, но в кухне лампу они так и не зажгли.

Масло для светильников стоило слишком дорого и Линь Жуну было жалко тратить его впустую.

Комнату заполняла темнота. Только не до конца погасший огонь в печи искажал горячий воздух внутри топки и тихо потрескивал. До дальних углов свет почти не доходил, оставляя лишь тусклое мерцание.

Линь Жун стоял боком с миской в руках и накладывал из котла сухой рис. Половина его лица, освещённая слабым светом, казалась ещё более красной.

Во время еды с каждым кусочком, будь то крольчатина или острый маринованный перец, черты лица Цзянь Цинъюя заметно смягчались.

Кроме тех моментов, когда он ел рис.

Когда зубы смыкались, ощущение грубоватой, жёсткой крупы заставляло его невольно ускорять темп еды. И лишь проглотив последний глоток, он бесстрастно и незаметно выдохнул с облегчением.

Он будто ел рис, перемешанный с песком и древесной стружкой.

Цзянь Цинъюй украдкой покосился на сидящего рядом Линь Жуна, который ел с таким удовольствием, а затем отвёл взгляд.

В следующий раз, если дома снова закончится рис, то ни за что нельзя отпускать Линь Жуна на рынок одного...

Масло для ламп было дорогим, так что без особой необходимости свет они не зажигали. Летом темнело поздно: поужинал, немного посидел и можно ложиться спать.

И масло экономится, и на следующий день можно встать пораньше работать.

После ужина всё было как и в прошлые дни: Цзянь Цинъюй поднялся и понёс на кухню мыть посуду.

Линь Жун шаг в шаг пошёл за ним.

Цзянь Цинъюй без церемоний свалил немногочисленные миски и палочки прямо в железный котёл, после чего развернулся и, пользуясь своим ростом, сверху вниз посмотрел на неотступно следовавшего за ним Линь Жуна.

— Что такое?

Прошло уже немало времени, и огонь в печи давно погас. В темноте красивое, холодное лицо Цзянь Цинъюя почти не различалось, а высокая крепкая фигура растворялась во мраке, теряя привычное ощущение давления.

Поэтому Линь Жун уже не так боялся стоять с ним лицом к лицу.

В тихой тёмной кухне его голос прозвучал особенно отчётливо, с лёгкой неловкостью:

— Завтра я пойду в горы собирать дикие ягоды... хочу отнести их в посёлок продать. Ты...

На этом он замялся и остановился. Следующие слова никак не выходили наружу. Цзянь Цинъюй не торопил его и спокойно ждал.

— ...Пойдёшь со мной?

Цзянь Цинъюй на мгновение замер. В его глазах мелькнуло что-то необычное, а слегка поднявшийся тон ясно выдавал хорошее настроение.

— Пойду.

В лунном свете, падающем из окна, Цзянь Цинъюй заметил, как человек перед ним едва заметно прищурился в улыбке.

От деревни Дахэ до посёлка Чуаньцин даже быстрым шагом было идти больше двух часов. Каждая такая вылазка — сплошная морока.

Да и людей там слишком много, поэтому Цзянь Цинъюй не любил ходить в посёлок.

Во дворе всё ещё сидело несколько пойманных зверьков. Завтра как раз можно будет продать их, заработать денег и купить масла для ламп и прочих вещей, а то готовить в такой кромешной тьме невозможно.

Перед глазами стояла сплошная темнота, различался лишь силуэт стоящего напротив человека, но в голове Цзянь Цинъюя снова и снова всплывало худое, чуть желтоватое лицо Линь Жуна.

«...»

Надо его откормить...

А то выглядит так, будто он тут людей морит голодом.